

Глава 24. Кровавая драма из-за одних трусов

В городе Т был огромный Рынок Чэндун. Найти там можно было абсолютно всё: от ржавого гвоздя до чёрта лысого.

Янь Шань дождался выходных и отправился туда на разведку. Отыскав лавку, торговавшую тканями оптом, он присмотрелся к заготовкам: материал уже раскроили, но ещё не успели нанести принты. Чистое полотно — идеальное поле для тренировки.

Впрочем, Янь Шаню даже оптовая цена показалась завышенной. Поторговавшись с владельцем, он выкупил обрезки, оставшиеся после раскроя, — набрал целый мешок лоскутов на вес, сторговавшись за полцены.

Притащив охапку старья домой, он первым делом заперся в ванной: всё перестирал, выполоскал и вывесил сушиться. Среди обрезков чего только не было: куски штанин, рукава футболок, майки и даже несколько пар белых трусов. Ассортимент, мягко говоря, вышел исчерпывающим.

Развешивая всё это добро на балконе, Янь Шань не заметил, что на сушилке уже висели обновки Лу Цунбая. В итоге он просто свалил всё в одну кучу.

Весеннее солнце пригревало ласково, и к вечеру тряпки полностью просохли.

Когда стемнело, Янь Шань собрал свой «улов», притащил в комнату и, вооружившись коробкой маркеров, принялся за практику. Он рисовал цыплят, чиби-персонажей, героев аниме и разные бытовые мелочи. Между делом, просто чтобы набить руку, он набросал те самые розы, которые когда-то по ошибке подарил Лу Цунбаю.

К цветам у него действительно был талант: лепестки ложились один на другой, яркие и сочные — выходило удивительно эстетично.

Не прошло и получаса, как в дверь неистово затарабанили.

Голос Лу Цунбая, доносившийся из коридора, звучал вызывающе и резко:

— Янь Шань, ты что, по ошибке забрал мои трусы?

Янь Шань вздрогнул так, что едва не выронил маркер.

— Ничего я не забирал! — крикнул он в ответ. — Делать мне больше нечего, кроме как на твоё бельё зариться. Я, по-твоему, извращенец какой-то?

— У меня целая упаковка пропала, — Лу Цунбай явно выходил из себя.

Он заставил Янь Шаня открыть дверь. Парни принялись разбирать завалы.

И тут Янь Шань с ужасом обнаружил, что среди его кучи тряпья действительно затесались новенькие боксеры соседа. Мало того — на них уже красовалась его свежееотрисованная роза. Он почувствовал, как лицо вспыхнуло.

— Да кто в здравом уме носит белые трусы? — пробормотал он под нос. — Ладно, ладно, не доглядел. У меня тут полно чистых лоскутов, хочешь — все забирай в качестве компенсации?

Лу Цунбая будто током ударило.

— Да кому нужны твои шмотки? — вскипел он. — У тебя глаза на затылке, что ли? Я же на самое видное место повесил! Ты когда вещи сгребал, вообще не смотрел, что берёшь?

Янь Шань тоже начал закипать.

— Подумаешь, ошибся! Сказал же: куплю тебе новые в два раза дороже. Обязательно так орать?

У Янь Шаня был непростой характер, но он никогда не лез в бутылку первым. Однако стоило ему столкнуться с Лу Цунбаем, как искры летели сами собой.

«Бесит. Этот придурок вообще умеет разговаривать по-человечески?»

Янь Шань сгрёб в охапку всё своё тряпье и швырнул Лу Цунбаю в грудь. Тот оттолкнул сверток. Началась потасовка.

Гнев разгорался. Лу Цунбай, будучи сильнее, снова отшвырнул ткань в сторону Янь Шаня.

— Забери своё рваньё! — огрызнулся он. — Мне нужны мои вещи, в нормальном виде!

— На, подавись! Если тебе не противно, что я их изрисовал, — забирай, мне же меньше работы!
— Янь Шань схватил со стола те самые трусы с розой и швырнул в соседа.

Ярко-алый цветок на белой ткани выглядел на редкость вызывающе. Янь Шань и сам не знал, зачем решил использовать акварельные маркеры, но в этой накалённой атмосфере расписанное бельё смотрелось... двусмысленно. Слишком броско.

Лу Цунбай побагровел. Краска залила шею и быстро добралась до кончиков ушей. Он сжал

челюсти так, что заходили желваки. Перехватив «подарок», он мгновенно спрятал его за спину и прорычал:

— Янь Шань! Что ты, мать твою, наделал?!

— Да просто нарисовал что-то, и всё! — не сдавался Янь Шань. — Жадина. Вечно ты из мухи слона раздуваешь! Ты хоть раз можешь спокойно выслушать, прежде чем на говно исходить?!

Никто не хотел уступать.

Лу Цунбай выплюнул ещё несколько колкостей и, прижимая к себе вещи, развернулся, чтобы уйти. Янь Шаня трясло от ярости. Весь день у него было отличное настроение, а этот придурок ворвался, обложил его матом, даже не дав извиниться.

И тут Янь Шань вспомнил: он ведь изначально затеял всю эту возню с рисунками ради Лу Цунбая. И что в итоге? Стоило совершить пустяковую ошибку, как тот устроил скандал. Разве друзья так поступают?

Обида захлестнула его. Янь Шань сорвался с места, вцепился Лу Цунбаю в воротник и заорал:

— Пошёл ты к чёрту! Раз тебе так не нравятся мои рисунки, верни ту картину, что я тебе подарил! Я её другому отдам!

Лу Цунбай замер. Он медленно обернулся, и в его взгляде смешались злость и застарелая ревность.

— А кто из нас мелочный, а, Янь Шань? Хочешь забрать подарок и всучить его своему Юань Пэю? Ну конечно, мы же с тобой «почти не знакомы», куда мне до вашей десятилетней дружбы.

— Знаешь что? Я продал твою мазню. За пятьсот юаней. И угадай — больше за неё никто не давал. Ты реально думал, что твои каракули чего-то стоят?

Слова Лу Цунбая били наотмашь. Он и сам не замечал, насколько жестоко и несправедливо это звучит. Реальность была совсем иной, но в его интерпретации правда превратилась в яд.

Янь Шань застыл, не веря своим ушам.

— Ты... продал её?

— Мне она не нужна, но и Юань Пэю она не достанется, — отчеканил Лу Цунбай.

Янь Шань долго стоял неподвижно, а потом из его груди вырвался яростный крик:

— Вон отсюда! Проваливай!

Он с силой толкнул соседа. Лу Цунбай вылетел в коридор, едва удержавшись на ногах. Янь Шань сжал кулаки, глаза его налились кровью. Он весь дрожал, с трудом сдерживаясь, чтобы не раскроить эту заносчивую рожу.

— Исчезни с глаз моих, пока я тебя не пришиб.

Лу Цунбай смерил его ледяным взглядом, пренебрежительно фыркнул и зашагал к выходу. Янь Шань уже собирался с грохотом захлопнуть дверь, но в последний момент сорвалось:

— Хам неотёсанный. Никакого воспитания.

Лу Цунбай уже был у порога квартиры, когда эти слова достигли его ушей. Он резко развернулся, рванул обратно и мертвой хваткой вцепился в ворот Янь Шаня.

Тот не медлил ни секунды. Замах — и кулак Янь Шаня с хрустом впечатался в лицо соседа.

Город Т. Первая народная больница. Отделение скорой помощи.

Час ночи.

В коридоре на скамье сидели двое парней в школьной форме. Одежда обоих была забрызгана кровью — зрелище не для слабонервных.

Дежурный врач заканчивал дезинфекцию и накладывал повязки.

Вскоре в холле появился статный мужчина. На нём была лишь легкая кофта — видно было, что срывался из дома в спешке. Су Му распахнул дверь в смотровую, едва переводя дух.

— Что случилось? Раны серьёзные?

— Одному зашили руку — три шва, у другого рассечена голова. Но жить будут, крепкие попались ребята, — врач закрепил бинт на лбу Янь Шаня и глянул на Су Му, нахмурившись. — Вы чего так легко оделись? Простудитесь же.

Су Му лишь покачал головой:

— Срочный вызов. У обоих в личных делах нет номеров для экстренной связи.

Так что расхлёбывать пришлось классному руководителю.

Доктор молча вышел и вернулся через пару минут с коричневой курткой. Он набросил её на плечи учителя, не говоря ни слова.

Янь Шань с недоумением наблюдал за ними, но, встретившись с суровым взглядом Су Му, тут же виновато опустил глаза. Лу Цунбай хранил молчание, уставившись в одну точку на полу.

Су Му долго смотрел на них, а потом тяжело вздохнул:

— Сильно болит?

У Янь Шаня защипало в носу, но он ответил грубовато:

— Терпимо.

Лу Цунбай даже не пошевелился.

— Хорошо, что обошлось без тяжёлых травм. Вам обоим стоит хорошенько подумать над своим поведением. Удача не всегда будет на вашей стороне, — строго произнёс Су Му. — Вы живете одни, учитесь отвечать за себя и избегать конфликтов.

Учитель указал на врача:

— Это доктор Цзян. Он мастер своего дела, всё обработает, не переживайте.

Цзян усмехнулся и покачал головой:

— Пусть это будет вам уроком. Чтобы я вас здесь больше не видел.

Когда с головой Янь Шаня закончили, врач переключился на Лу Цунбая. Тот был в футболке, так что ссадин на руках хватало.

Су Му вывел Янь Шаня в коридор, чтобы поговорить с глазу на глаз.

Янь Шань вкратце пересказал начало ссоры, опустив детали про бельё.

— Мы сцепились. Дрались от самой двери до балкона. Там у стены стоял железный стеллаж. Он меня толкнул, я попятился и врезался спиной в эту махину. Полка начала падать... Я даже сообразить ничего не успел, только увидел, как Лу Цунбай дернулся ко мне. Я думал, он ударить хочет, и замер, а он... он просто закрыл меня собой.

Стеллаж остался после ремонта, тяжелый, неподъемный. Основной удар пришёлся на руку Лу Цунбая, но острый угол всё же зацепил лоб Янь Шаня. Кровь хлестнула мгновенно.

Лу Цунбай закрыл его своим телом, приняв удар на себя. Металл глубоко располосовал ему предплечье. Кровь залила школьную форму.

Их драку услышали соседи с четвёртого этажа и вызвали скорую.

Янь Шань признал, что ударил первым, но не считал себя виноватым в самой ссоре. Для него Лу Цунбай оставался провокатором. Больше всего его жгла обида за проданную картину.

— Учитель Су, понимаете... у меня ведь нет семьи. Совсем. Мне не за что зацепиться в этой жизни, чтобы не пойти ко дну. Рисование — мой единственный якорь. Когда я рисую, мне хорошо, я не чувствую себя одиноким. Я считал его другом, хотел открыться, а он... он назвал мою работу мусором. Мне очень больно, — прошептал он, пытаясь скрыть лицо в тени. На губах играла горькая усмешка.

Су Му помолчал, а потом негромко хмыкнул:

— Твои слова напомнили мне одну историю. Как-то раз Лу Цунбай зашел в учительскую с пачкой каких-то бумажек. Оказалось, это купоны для голосования на школьной выставке. Он просил всех учителей проголосовать за тебя. Мы тогда посмеялись, а он смутился. Сказал только, что ты очень талантлив и рисуешь лучше всех. Потом он еще по этажам ходил, в химическую лабораторию заглядывал — всё голоса за тебя собирал.

Янь Шань вскинул голову, глядя на учителя в полном изумлении.

Су Му похлопал его по плечу:

— Ты не знаешь всего о нём, а он не знает, через что пришлось пройти тебе. Глупо рвать дружбу из-за минутной вспышки гнева. Сначала поговорите нормально. Узнай всю правду, а уж потом решишь — ненавидеть его или нет. Я не принимаю ничью сторону. Просто остынь. Какое бы решение ты ни принял, если оно будет взвешенным — я тебя поддержу.

Янь Шань был поражён. Он ждал нравоучений, криков и требования написать гору объяснительных, как это обычно делал директор Лю.

А Су Му лишь добавил:

— Как закончите — езжайте домой отдыхать. Если будет плохо — завтра в школу можете не приходить. С больницей я сам разберусь, не волнуйтесь.

Янь Шань занервничал, боясь, что учителю придется платить за них. Мало того, что выдернули человека среди ночи, так еще и расходы...

Но Су Му отрезал: в этой больнице у него свои связи, так что о деньгах пусть не думают. Не дело детям лезть в вопросы взрослых.

Су Му предложил подвезти их до дома.

Когда они вернулись в смотровую, доктор Цзян всё еще возился с Лу Цунбаем. В руку парня вонзился металлический зажим от полки. Врач извлекал его, дезинфицировал рану и ставил прививку от столбняка.

От бывшего хладнокровия Лу Цунбая не осталось и следа — он орал на всю больницу.

— Доктор, можно поаккуратнее?! У меня такое чувство, что вы мне мясо кусками выдираете! — вопил он, корчась от боли.

Доктор Цзян невозмутимо бинтовал руку.

— Драться с соседями еще будешь?

Лу Цунбай запричитал:

— Не буду! Всё, я понял, каюсь!

Врач затянул узел на повязке и хлопнул парня по плечу:

— Свободен. Проваливай.

Лу Цунбай, поджав хвост, выскочил из кабинета.

Всю дорогу до дома и в самой квартире парни не проронили ни слова. Началась холодная война.

Они намеренно избегали друг друга. Обида еще не выветрилась, а признавать ошибки гордость не позволяла.

Янь Шань понимал: лучше бы они просто подрались и выпустили пар до конца, тогда можно было бы сесть и поговорить. Молодость горяча — три минуты гнева, а потом отпускает.

Но возвращаться к «дьяволу» Цзяну в Первую больницу за новыми швами... Нет уж, увольте. Слишком страшно.

Остыв, Янь Шань прокручивал в голове слова Лу Цунбая, и к горлу подкатывал комок. «Я к нему со всей душой, а он...» — он никак не мог взять в толк, почему всё так обернулось.

Ночью он тихо проплакал под одеялом, а утром в школе демонстративно игнорировал соседа. Хотя Лу Цунбай сидел прямо за его спиной — стоило лишь обернуться, и всё бы прояснилось. Но Янь Шань не хотел делать первый шаг.

Почему вечно он? Почему в каждой ссоре уступить должен именно он?

Обида взяла верх.

Даже Юань Пэй и Вэнь Чжаочжао почуяли неладное. Интуиция подсказала им, что лезть с расспросами сейчас опасно для жизни, так что они потихоньку ретировались, решив переждать бурю в стороне.

Никто не знал, когда это закончится.

Это странное противостояние длилось четыре дня.

Вечером четвертого дня Янь Шаню позвонил Девятый дядя.

— Сяо Шань, послушай, тут такое дело... Рядом с RT-Mart в восточном пригороде есть небольшой склад. Он ведь ваш, верно?

Янь Шань на мгновение задумался.

— Это старый дом дедушки. Раньше отец за ним приглядывал, а после его смерти он, кажется,

отошёл второму дяде.

— Там вроде как склад древесины устроили, — продолжил он, — но мы с вторым дядей из-за того дома рассорились, так что я не особо в курсе. А что случилось?

— Есть время послезавтра? — спросил Юань Лунцин. — Составь мне компанию, съездим туда.

Послезавтра — выходной. У старшеклассников свободное время найдётся.

— Зачем ехать-то? — удивился Янь Шань.

Голос Девятого дяди стал жестче:

— Долги выбивать.

<http://bllate.org/book/17575/1713028>